

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ®

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Хейди Бетс
ПРОСТО ОТВЕТЬ
«ДА»!

030

 HARLEQUIN®

Содлазнь

Соблазн – Harlequin

Хейди Бетс

Просто ответить «да»!

«Центрполиграф»

2012

Бетс Х.

Просто ответь «да»! / Х. Бетс — «Центрполиграф»,
2012 — (Соблазн – Harlequin)

Когда старшая сестра и лучший друг обращаются к Каре с просьбой организовать их свадьбу, она соглашается с болью в сердце, ведь оно уже много лет бьется любовью к жениху сестры Эли Хьютону. Вдруг сестра расторгает помолвку, а Эли почему-то в этот же вечер целует Кару так, будто всегда любил лишь ее одну.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хейди Бетс

Просто ответь «да»!

Глава 1

– Работы море! И как ты только справляешься со всем этим?

Кара Кинсайд усмехнулась, переворачивая страницу каталога обеденных сервизов на блестящем черном кофейном столике.

– Это ты как справляешься почти с десятком роскошных отелей и курортов? Для меня намного проще изо дня в день выверять списки гостей и составлять меню из семи блюд, чем держать на плаву такое огромное хозяйство, – ответила она жениху своей старшей сестры.

Эли Хьютон был красив, высок и удивительно хорошо сложен. Из тех мужчин, при виде которых, как говорится, слюнки текут. Шоколадно-карие глаза, волосы цвета кофе, будто слегка растрепанные ветерком... Не прилагая к этому никаких усилий, Эли заставлял женские сердца биться быстрее.

– Ты себя недооцениваешь, дорогая моя, – заметил он, озаряя комнату улыбкой, от которой ее собственное сердце совершило кульбит, способный привести в ужас любого кардиолога. – Мы оба сами создали свой бизнес, и оба по-своему талантливы, просто в разных направлениях.

– В разных, это точно, – улыбнулась Кара. – «Хьютон хотелс энд резортс» стоят миллионы, а я заказчиков принимаю на дому.

Они расположились на черном кожаном диване в шикарном кабинете Эли на девятом этаже, хотя обычно подобные встречи проходили в небольшой гостиной-библиотеке на первом этаже ее таунхауса на Куин-стрит.

Здание изначально было построено еще в 1806 году и недавно полностью реставрировалось. Кара по-настоящему любила свой особнячок с тремя спальнями и тремя ванными комнатами. Для молодой незамужней женщины места там вполне хватало. Однако с точки зрения интересов бизнеса принимать клиентов дома было не самым лучшим вариантом.

Кара понимала, что рискует произвести негативное впечатление, и начала уже всерьез задумываться над тем, чтобы арендовать помещение под офис, а в идеале – целое здание. Пусть даже совсем небольшое, но там можно было бы проводить презентации и хранить гирлянды, банты и прочие украшения, которые в этом случае можно будет приобрести, а не брать каждый раз напрокат. Ей также вполне по силам было нанять помощницу, а когда-нибудь даже несколько, ведь до сих пор приходилось справляться в одиночку, хотя порой это было очень нелегко.

Нет, Кара вовсе не боялась тяжелой работы. Фирма «Особый случай» была ее детищем, она открыла ее без чьей-либо помощи, решив пойти своим путем, а не включаться в семейный бизнес в сфере недвижимости и грузоперевозок. Просто иногда так хотелось разделить с кем-нибудь ответственность, а не тащить все на своих плечах. Или хотя бы иметь в своем распоряжении рабочих, которых можно подключить, когда пары рук, пары ног, двух ушей и одного рта уже недостаточно, чтобы выполнить заказ в срок.

– Подожди, родная! Вот пройдет время, и сама увидишь. – Голос его был густым и тягучим, как хороший ликер. – Делай свое дело, и через пару лет ты будешь планировать свадьбу кого-нибудь из президентских отпрысков, уверен!

«Как же все-таки повезло сестре, – подумала Кара. – Хорошо, что я сижу, а то давно бы грохнулась на пол под действием его чар. Пара добрых слов – и я готова! Таю, как масло на тосте». Прокашлявшись, она глубоко вздохнула и выпрямилась. Не подходящее сейчас время

для романтических грез, да и мужчина, что уж там говорить, совсем не подходящий. В конце концов, он ведь жених Лаурель, они поженятся меньше чем через месяц!

Да, Эли Каре нравился. Как, наверное, понравился бы любой женщине в Южной Каролине да и, пожалуй, на всем Восточном побережье. Да, Кара-подросток была дико влюблена в него. И опять-таки, вполне закономерно: все девчонки в школе положили тогда глаз на красавчика-футболиста. Вернее, почти все. Как раз-таки Лаурель, помнится, в ту пору не проявляла особенного интереса к Эли. Они все тогда дружили и росли вместе – дети семейства Кинсайд и мальчик из приюта, которого взяли на воспитание Юнги из соседнего поместья. Но ни о каком сердечном увлечении между Эли и Лаурель и речи не было. И вдруг совсем недавно они объявили о помолвке.

Кара была рада за них, честно! Но как же непросто оказалось планировать свадьбу старшей сестры и мужчины, чувства к которому так полностью и не угасли за прошедшие десять лет. Кара очень старалась не давать волю душевным терзаниям, тем более что ей выпало организовывать мероприятие, сулящее стать в чарльстонском высшем свете свадьбой года. Так что подходить к делу следовало вдвойне ответственно.

Потянувшись за другой брошюрой, она попутно взяла со столика очки и водрузила на нос. Не то чтобы они действительно были ей нужны, но с очками как-то солиднее. И потом, лишняя преграда между ней и Эли не помешает.

– Вам нужно определиться с основным блюдом, дальше будет проще. И потом начнется самое интересное, ведь вам предстоит попробовать разные варианты, прежде чем мы сформируем итоговое меню, – деловым тоном сообщила она.

Эли откинулся на диване и положил ногу на ногу:

– Думаю, пусть лучше Лаурель решает. Не хочу, чтобы первая семейная ссора разразилась прямо на свадебном банкете из-за того, что я, понимаешь, выбрал куриные крылышки, а не волованы с крабовым мясом.

Кара взглянула на часы: сестра опаздывала уже на двадцать минут. Они специально договорились сегодня встретиться в офисе Эли, чтобы не срывать его рабочие планы. Однако, похоже, график его все равно оказался под угрозой. Тем не менее жених был совершенно спокоен и расслаблен, по крайней мере внешне.

За то время, что Кара организовывала свадьбы, ей довелось встречаться с самыми разными клиентками: и крайне требовательными, и дотошными, и истеричными, и взбалмошными, и даже падающими в обморок. И никогда еще не попадалась ей невеста столь безразличная и безучастная, как Лаурель.

Правда, в жизни семьи наступил трудный период. Мало того что в собственном офисе был жестоко убит отец, при этом все оказалось обставлено как самоубийство. Мало того что после его смерти выяснилось, что отец вел двойную жизнь и растил сына на стороне. Так теперь еще и мать стала главной подозреваемой. Мама, которая в жизни мухи не обидела, паука не раздавила, и вдруг стала бы стрелять в голову мужчине, с которым прожила почти сорок лет?! Невозможно! И никто в семье не верил в то, что она могла быть виновна. К счастью, совсем недавно обнаружили новые факты: выяснилось, что в тот вечер в офис Реджинальда заходил неизвестный. Этого было достаточно, чтобы его вдову Элизабет Кинсайд выпустили под залог.

Так что в целом Лаурель можно было понять: и помимо свадьбы, забот в жизни старшей дочери семьи Кинсайд хватало. Тем не менее Кара находила странным, что у сестры не оказалось четкого представления о том, каким она хотела бы видеть главное событие своей жизни. Да к возрасту восьми лет каждая девочка уже знает, какое платье будет у нее, какое у подружек невесты и вообще в каких цветах должна быть оформлена свадьба.

А Лаурель согласилась на первое же предложенное Карой платье ванильного цвета в стиле ретро. Она не пришла вовремя ни на одну из встреч, будь то выбор цветов или назначение дат мальчишника, девичника, репетиции и самой церемонии.

Неясно было, замечает ли Эли эти странности. Он всегда казался расслабленным, даже сейчас, будучи облачен в строгий темный деловой костюм с гранатового цвета галстуком.

Также его, похоже, не волновал бюджет свадьбы, хотя он распорядился, чтобы Кара все счета выписывала на его имя – в обход традиции, по которой свадьбу финансирует семья невесты. Кинсайды могли позволить себе разориться на праздник для старшей дочери, однако сейчас, когда будущее семьи было столь туманно, а на имущество в любой момент мог быть наложен арест, предложение Эли пришлось кстати.

Поступок этот не стал сюрпризом для Кары. Проведя часть детства в приюте, он хорошо знал, что такое нужда и одиночество. Разбогатев, Эли не превратился в скрягу, а, наоборот, всегда отличался щедростью и широтой души. Оставалось надеяться, что мнение его не изменится, когда он увидит шестизначную сумму, которую уже предстоит заплатить.

Минуты шли, и Кара мучительно думала, что бы еще на свадебную тематику обсудить с Эли, не рискуя показаться жертвой склероза, ведь они уже по несколько раз коснулись всех актуальных вопросов.

Тут дверь распахнулась, избавляя ее от необходимости выискивать тему. В офис влетела Лаурель – само воплощение преуспевающей деловой женщины. На ней была белая блузка, серо-зеленая юбка и зеленоватый пиджак под цвет глаз, а на ногах темно-серые, очень стильные, но удобные туфли. Сияющие каштановые волосы, слегка подкрученные на кончиках, свободно рассыпались по плечам и спине. Лаурель, как и мама, была настоящей красавицей, которой оборачиваются вслед на улице.

– Прошу простить за опоздание, – опуская в сумочку солнечные очки, пробормотала она, не глядя ни на Кару, ни на жениха.

Эли подошел к ней и легонько поцеловал в щеку:

– Не волнуйся, твоя сестра не дала мне скучать. Оказывается, у нас триста вариантов закусок, и она как раз успела подробно рассказать о каждой. Уверен, она и тебе сейчас все объяснит, – сказал он, улыбаясь то одной, то другой сестре.

Казалось, будто Эли не против еще раз выслушать бесконечную кулинарную балладу. Кара не удержалась от улыбки.

Уголки рта Лаурель чуть дрогнули, но взгляд был напряжен. Пальцы с такой силой сжимали сумочку, что побелели костяшки.

– Нам надо поговорить, – тихо произнесла она и, обращаясь к Каре, попросила: – Давай отложим. Мне очень нужно поговорить с Эли.

– Конечно, – откликнулась та, быстро поднимаясь и собирая вещи. Зажав папки под мышкой, она направилась к выходу. – Позвоните, когда определитесь с датой.

Коротко кивнув Эли и похлопав по плечу сестру, она вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Кара поспешила на улицу, переживая, все ли в порядке, и наметив себе позвонить сестре сразу же, как доберется домой.

Тот факт, что Лаурель попросила сестру уйти, а также выражение ее лица не сулили ничего хорошего. Эли оставалось лишь надеяться, что не случилось ничего ужасного. На долю Кинсайдов и так уже в этом году выпало слишком много испытаний, вряд ли они вынесли бы еще один удар.

Хотя, если бы бледность прекрасного, обычно по-южному загорелого лица его невесты была вызвана новостями, связанными с убийством отца или арестом матери, она поделилась бы ими в присутствии сестры, а не стала бы отсылать Кару, заявляя, что хочет поговорить с ним с глазу на глаз. При этой мысли Эли слегка нахмурил брови, мозг лихорадочно заработал, анализируя ситуацию.

– Присядь, – предложил он, взяв Лаурель за руку и подводя к дивану, на котором недавно они сидели с Карой. Длинные изящные пальцы с безупречным маникюром были холодны, и

двигалась невеста как-то дергано. – Все в порядке? – подождав, пока она сядет, задал он стандартный вопрос, подозревая, что ответ вряд ли будет положительным. Лаурель старательно отводила взгляд.

– Прости меня, Эли, – слегка дрожащим голосом выговорила она. Темные волосы водопадом спадали на лицо, и, лишь когда она подняла голову, он смог наконец увидеть ее глаза. Сделав глубокий вдох, Лаурель будто бы собиралась с духом, чтобы сказать то, ради чего затеяла разговор. – Мне очень жаль, – снова начала она, и на этот раз слова побежали бурным потоком, – боюсь, я так не могу. Не думаю, что сумею сейчас пережить эту свадьбу.

На какое-то мгновение Эли подумал, что ослышался. Может, из-за того, что он ожидал неприятного сообщения, мозг его неправильно интерпретировал ее слова?

– Прости, что ты сказала?

Лаурель вдруг резко вскочила, уронив сумочку с колен на пол, и заметалась взад-вперед перед его письменным столом.

– Все это было ошибкой, – стала объяснять она, сцепив руки на уровне талии и глядя ему прямо в глаза. – Мы слишком поспешили. Да, сначала идея казалась отличной, но обстоятельства изменились. – Она внезапно остановилась и повернулась к нему. – В моей жизни все вверх дном, Эли. Отца убили, мать обвиняют в убийстве. У меня вдруг обнаружился сводный брат, о существовании которого я даже не подозревала. Ты очень помог нам всем. Мама, конечно, делает вид, что все в порядке, улыбается, твердит, что все образуется. Убеждает меня, что не нужно отменять свадьбу. Но на самом деле она просто не хочет признавать, насколько зыбко сейчас положение вещей. – Лаурель замолчала, чтобы перевести дух. Шумно выдохнув, она продолжила: – Только я так не могу. Как можно говорить, что все в порядке? Все с ног на голову перевернулось! Я не могу сейчас выходить замуж, Эли, и не важно, что будут говорить. Прости меня!

Эли сидел молча, наблюдая, как свергают зеленые глаза Лаурель и как подрагивает плотно сжатый рот. Она ждала ответа.

«Интересно, как, по ее мнению, я должен отреагировать? Расстроиться? Рассвирепеть, побагроветь и закричать, что по ее вине зря потратил кучу денег и времени? Или же ждет, что я буду настаивать, уговаривать сыграть свадьбу, наплевав на ужас, который обрушился на нее и ее семью? – думал Эли. – Наверное, мне бы следовало почувствовать хоть что-нибудь из этого, по крайней мере чуть-чуть. В конце концов, меня только что бросили. Бросили, кинули, обманули, оставили в дураках. Невеста сбежала практически из-под венца. Мое ущемленное мужское самолюбие должно бить копытом и пускать пар из ноздрей...»

Однако Эли ничего такого не чувствовал. Он сидел, разглядывал свою теперь уже бывшую невесту, и думал, что цвет ее глаз менее яркий, чем у Кары. Нет, конечно, глаза у Лаурель что надо. Да и вообще она, бесспорно, очень видная женщина, воплощение классической, милой красоты – от безупречной прически, над которой трудились лучшие мастера парикмахерского дела, до дизайнерских туфель за шестьсот долларов. Но вот глаза у нее ближе по цвету к спокойному нефриту, а зеленый взгляд Кары всегда напоминал ему сверкающие изумруды или даже неопишуемые по оттенкам солончаки Южной Каролины.

Тот факт, что в этот решающий момент в голове его бродили подобные мысли, и сам, возможно, был хорошим подтверждением правоты Лаурель в ее намерении отменить свадьбу. Эли вдруг задумался над тем, что они не очень-то и подходят друг другу, а проблемы, с которыми столкнулась семья Кинсайд, всего лишь предлог.

В их связи, которую и связью-то назвать было нельзя, так как они даже ни разу не переспали, не было ни капли романтики и страсти. Просто Эли начал ощущать, что пришла пора заводить семью, и Лаурель показалась подходящей кандидатурой. Подходящей и логичной, ведь они выросли вместе, долгие годы дружили. И когда он сделал предложение, которое

больше походило на презентацию проекта делового соглашения, чем на прочувствованное сердечное объяснение, она мягко кивнула и поцеловала его в уголок рта.

С того момента события развивались по предсказуемому и продуманному сценарию, как и все в их продуманной и четко спланированной жизни. Только сейчас Эли понял, что обоюдное воздержание от физической близости должно было бы давно насторожить его, если не сказать – послужить серьезным тревожным сигналом. Но за все время их затянувшейся на несколько месяцев помолвки это не показалось странным ни жениху, ни невесте, хотя Эли всегда был в этом отношении мужчиной со здоровым темпераментом.

Поднявшись из-за стола, он шагнул к Лаурель, положил ей ладони на предплечья, посмотрел во взволнованные глаза, потом наклонился и успокаивающе поцеловал в щеку.

– Я все понимаю, – мягко сказал он, отстраняясь и дружески улыбаясь бывшей невесте. – Ни о чем не беспокойся, я все улажу и с Карой сам поговорю. Ты береги себя и делай то, что считаешь нужным для семьи.

Он не только увидел, но даже почувствовал, как напряжение стало отпускать Лаурель. Она выдохнула с облегчением.

– Спасибо тебе, – прошептала бывшая невеста, опуская голову ему на плечо. – Большое тебе спасибо.

– Мне важно, чтобы ты была счастлива, Лаурель. Никому не нужен брак, на который ты пошла бы лишь из чувства долга, который стал бы для тебя обузой и сделал несчастной.

Подняв голову, она улыбнулась, глаза ее снова сияли, но уже от радости.

– Ты хороший человек, Элия Джеймс Хьютон. И однажды станешь замечательным мужем. Кому-то очень повезет, жаль, что уже не мне. – Поднявшись на цыпочки, она провела ладонью по линии его подбородка, потом подняла с пола сумочку и вышла из офиса.

Эли остался один, но при этом он был совершенно спокоен.

Глава 2

Устроившись за своим обычным столиком в ресторанчике недалеко от офиса, он заказал виски на три пальца и теперь сидел, медленно потягивая напиток и ожидая старого друга Ракина Абделлаха.

Они познакомились, будучи еще студентами Гарвардской школы бизнеса. Вместе выступали за университетскую команду гребцов и оба в своем общении восполняли нехватку семейного тепла: Эли рос в приемной семье, а родители Ракина не так давно погибли в авиакатастрофе. Теперь же молодые люди даже работали вместе – компания Ракина стала основным поставщиком текстиля для отелей и курортов Эли.

За полчаса Эли приканчивал уже вторую порцию виски, но дело было не в том, что Ракин опаздывал. Это сам он пришел пораньше, потому что задерживаться в офисе не было смысла. После сюрприза, преподнесенного ему Лаурель, работа не ладилась, он почти ничего не сделал.

При этом нельзя сказать, чтобы он сильно расстраивался, что все так произошло. И уж точно ни в коем случае не винил Лаурель. Даже если бы не случилось трагедии в ее семье, ставшей поводом к отмене свадьбы, Эли и сам не захотел бы жениться, зная, что она не уверена в своем решении. Ни он, ни она не заслуживали того, чтобы стать жертвами неудачного брака и отбывать его, как тюремное наказание, ближайшие полвека.

При этом все-таки досадно, что свадьба расстроилась. Это ставило Эли в весьма неловкое положение. Ему предстояло сообщить людям, планировавшим вскоре погулять на свадьбе, что все отменилось, когда до праздника было уже рукой подать. Предстояло общаться с друзьями и деловыми партнерами и гадать, задумываются ли они над тем, почему свадьба расстроилась, не прикидывают ли, кто именно кого бросил и что испытывает по этому поводу Эли – тоску или облегчение.

Но больше всего он был разочарован тем, что остался без подходящей на роль жены кандидатуры, а семью создать хотелось. Нет, он, конечно, не рыдал и не кусал локти от отчаяния. Желających на роль подружки всегда вокруг хоть отбавляй. У него было уже немало связей – как на одну ночь, так и более-менее долгосрочных. Оглядевшись, Эли подумал, что смог бы за десять минут очаровать любую даму в ресторане.

Однако проблема заключалась в том, что ему не нужна была любая дама из этого ресторана. Он не был даже уверен, что Лаурель уж так ему нужна, потому что испытывал к ней совсем не те чувства, которые муж должен испытывать к жене. Она просто казалась подходящей парой, и Эли рассчитывал, что со временем нужные чувства проснутся сами собой. Как говорится, стерпится – слюбится.

Нет, его огорчало не то, что он остался без подруги, подходящей для серьезных отношений. Главное – что на неопределенный срок отодвигалась перспектива обзавестись семьей. Своей собственной настоящей семьей! Он, конечно, очень любил приемных родителей. Уоррен и Вирджиния Юнг взяли его к себе мальчишкой двенадцати лет. В этом случае пожилая пара могла рассчитывать на то, чтобы успеть воспитать приемного сына, что было бы маловероятно, возьми они, как обычно принято, новорожденного или малыша. Они даже неоднократно спрашивали у него разрешения на официальное усыновление.

Но как бы ни был Эли польщен и тронут искренностью и добротой супругов Юнг, он каждый раз вежливо отклонял их просьбу. Считая их своими родителями, а себя их сыном в полном смысле этого слова, где-то в глубине души он всегда ощущал себя одиночкой. Мальчик не хотел носить чужое имя, так как собирался всего добиться сам. Не желал, чтобы окружающие, глядя на него, думали, будто ему не удалось бы ничего в жизни, если бы не благотворительный жест коренных состоятельных южан, взявших его под свою опеку.

Эли не сомневался, что многие так и считают. И, честно говоря, его шансы на успех, конечно, многократно возросли, когда он переехал к Юнгам. В противном случае ему суждено было бы прозябать в приюте, и он был благодарен судьбе и приемным родителям – благодарен за стабильность, за семейный уют и крышу над головой, за то, что получил отличное образование в одном из ведущих и престижнейших университетов США. Но за все, что создал и чего добился впоследствии, Эли должен был благодарить лишь самого себя. Когда он только создавал «Хьютон хотелс энд резортс», Юнги предлагали финансовую помощь в размере нескольких миллионов, но начинающий бизнесмен не взял у родителей ни цента.

Эли снова глотнул отличного виски, поглядывая на вход в обеденный зал. Ракин, за которым не водилось привычки опаздывать, должен был скоро подойти, так как было уже почти шесть часов вечера.

Поигрывая остатками виски в стакане, Эли снова принялся анализировать свое текущее положение. Итак, в его активе любимые приемные родители – представители старинного почтенного рода, на которых всегда можно положиться. Он основатель и руководитель успешного предприятия, вошедшего в список пятисот крупнейших корпораций по версии журнала «Форчун». И теперь для полного счастья недостает только жены и детей. Осталось завести семью, и тогда можно будет с полным правом считать, что жизнь удалась, что он – воплощение американской мечты, или, по крайней мере, его собственной разновидности этой мечты.

Женитьба на Лаурель должна была стать первым шагом на пути к реализации проекта «семья», но теперь он оказался отброшен на два шага назад. Конечно, время еще есть. Ему всего-то тридцать пять. Как гласит статистика, мир просто кишит женщинами, рыщущими в поисках состоятельных и порядочных мужчин. Надо только убедиться, что та, которая ему попадется, будет заинтересована в нем самом столь же, сколь и в его состоянии и порядочности.

– Крепко же ты задумался! – вдруг раздался рядом низкий мужской голос.

Эли поднял голову и увидел, что Ракин, которого он так долго дожидался, устроился напротив него за столиком и откинулся на кожаную кирпично-коричневую спинку диванчика.

После гибели родителей Ракина воспитывали дедушка и бабушка по отцу. Рос он в Дохе и от отца, уроженца Катара, унаследовал черные как смоль волосы, карие глаза и смуглую кожу. Но, будучи также наполовину американцем, Ракин все каникулы проводил с семьей матери в США. Он совершенно свободно и комфортно чувствовал себя в обеих странах и культурах.

– Какие-то проблемы с бизнесом? – поинтересовался он и поднял руку, подзывая официанта.

– Если бы. Не так все просто, – пробормотал Эли.

Ракин вопросительно поднял бровь. Они дружили уже достаточно долго, чтобы порой обходиться без слов. Ракин знал, что если Эли сочтет нужным поделиться с ним своими трудностями, то сам в свое время все расскажет, и вытягивать из него информацию не нужно.

– Давай сначала сделаем заказ, – предложил Эли. – Заодно обсудим, что там с поставками постельного белья в Сибрук-Айленд. А там, глядишь, я созрею рассказать тебе, как прошел мой день. – Он определенно чувствовал, что должен сначала поесть и выпить тоже. Еще пара порций виски не помешает.

Они заказали спиртное и, дожидаясь, пока принесут напитки, изучали солидное меню в кожаном переплете. Ракин тоже попросил виски, чему Эли удивился: он-то понятно с чего на алкоголь налегает, но, похоже, не только у него выдался трудный денек.

Наконец, оба зажали в руке по стакану и замерли, выжидаяще уставившись друг на друга. Через несколько секунд рот Эли искривился в ухмылке, Ракин усмехнулся в ответ, и оба засмеялись.

– Давай ты первый, – сказал Эли.

– Белье уже отправили, – начал Ракин. – Все по графику. Прибудет к концу следующей недели. Пока мы все везем непосредственно в отель «Океанский бриз», но, если хочешь, еще не поздно сменить маршрут и направить партию к тебе сюда, в Чарльстон.

Эли одобрительно кивнул, но оба знали, что спрашивал он друга не об этом.

– Еще что расскажешь? – снова поинтересовался он. Во-первых, ему действительно было безразлично, что происходит в жизни друга, а во-вторых, хотелось выиграть время, прежде чем пуститься в повествование о собственных горестях.

Ракин вздохнул и уткнулся взглядом в стол:

– Дед грозитя лишить меня наследства.

Эли откинулся на своем сиденье и округлившимися глазами уставился на собеседника:

– Как это? С чего вдруг?

Подняв глаза на друга, Ракин пояснил:

– Он хочет, чтобы я женился. Эти разговоры давно уже у нас идут, но теперь он, похоже, готов перейти от слов к делу. И его мое мнение не волнует. Я должен как можно скорее обзавестись законной супругой, и точка.

На секунду Эли задумался, потом тихонько хмыкнул.

– Тебе смешно, а вот мне не очень, – буркнул Ракин.

– Прости, конечно, смешного мало, – покачал головой Эли. – Но знал бы ты, что сегодня произошло, тоже бы посмеялся.

– Так давай, повесели хоть ты меня. Что же произошло?

– Лаурель отменила свадьбу, – торопливо произнес Эли, как срывают пластырь резким движением, чтобы побыстрее отмучиться, и залпом допил виски.

Теперь пришла очередь удивляться Ракину:

– Что? Но почему?

– Говорит, из-за проблем в семье. Мол, все летит в тартарары, катится под откос и вообще кошмар...

Ракин внимательно посмотрел на него, склонив голову набок:

– Ее можно понять. У Кинсайдов явно черная полоса в жизни.

Эли кивнул:

– Согласен. Только думаю, это решение больше связано не с тем, что творится в ее семье, а с тем, что она чувствует, вернее, не чувствует ко мне, – пробормотал он, заглядывая в пустой стакан.

– То есть ты думаешь, она тебя не любит? – мягко уточнил Ракин.

– Думаю, что по-своему я ей дорог, – честно ответил Эли. – Как и она мне. Мы друзья. Только не уверен, что этого достаточно для создания семьи.

Ракин вскинул другую бровь. Видимо, и он наконец оценил весь юмор их положения.

– Похоже, скоро я со всей достоверностью смогу подтвердить или опровергнуть твоё предположение. Ведь, дабы не лишиться наследства, я вынужден жениться не по любви.

– То есть ты предпочтешь лишиться любви? – поинтересовался Эли и, вместо ответа, получил красноречивый взгляд исподлобья, словно говоривший: «А ты бы что сделал на моем месте?»

Ракина можно было понять. На посту генерального директора крупнейшей международной корпорации по импорту и экспорту товаров он трудился, как раб на галерах, сделал огромный вклад в процветание семейного бизнеса и вот теперь рисковал лишиться всего, так как не стоило уповать на то, что дед вдруг передумает. Эли вдруг понял, что у него все на самом деле не так уж плохо.

– Если тебе интересно, – произнес он, – могу познакомить с одной очень привлекательной молодой леди из почтенного местного рода. Она, правда, была уже когда-то помолвлена

и, говорят, бросила жениха всего лишь за месяц до того, как они должны были обменяться торжественными клятвами верности...

– А ты знаешь, интересно, – мрачно откликнулся Ракин, наблюдая, как официант расставляет закуски. Когда оба друга попросили принести им по кофе и официант ушел, он добавил: – В последний раз попробую переубедить старика. Если не удастся, обращусь к тебе.

Когда друзья распрощались, выйдя из ресторана, было почти девять часов вечера. Никакого опьянения Эли не чувствовал. Хотя он и хватил подряд три порции виски на пустой желудок, но потом плотно поужинал и выпил несколько кружек крепкого кофе. Домой не хотелось: он знал, что, просидев пару часов в одиночестве в пустой квартире, достанет бутылочку того же старого доброго напитка, и все пойдет по новой.

На душе кошки скребли, и наедине с этими кошками оставаться очень не хотелось. Нет, он, конечно, не считал себя одиноким человеком, но в данный конкретный вечер никто не мог бы составить ему компанию в его роскошных апартаментах. Там было слишком тихо, и он снова стал бы думать над тем, что произошло и как теперь быть.

Не вполне отдавая себе отчет в том, что делает, Эли повернул во Французский квартал и направился напрямик на Квин-стрит. Несмотря на поздний час, Кара, возможно, еще не легла. И в конце концов, он ведь пообещал Лаурель, что сам сообщит ее сестре об отмене свадьбы.

Десять минут спустя он уже стоял на веселом желтом крылечке ее домика, занеся руку над специальной тускло поблескивающей колотушкой на черной лакированной входной двери. Зданию было не меньше двухсот лет, но оно не выглядело старым или обветшалым и потрепанным. Прежние владельцы содержали дом в хорошем состоянии, да и Кара постаралась – организовала полную реставрацию.

Почти вся внешняя отделка была белого цвета, но ставни и кованые оконные наличники покрасили в черный – в тон входной двери. По бокам от крыльца в огромных горшках цвели огненно-красные азалии. Они же алыми пятнами сияли под каждым окном, придавая дому веселый приветливый вид, по крайней мере днем. И даже в сумерках бросались в глаза, контрастируя с посеревшей в вечернем освещении улицей.

На всякий случай еще раз бросив взгляд на фасад и удостоверившись, что в окнах есть свет, Эли постучал, но совсем тихо: вдруг хозяйка уснула, не выключив лампы. Ему не хотелось бы будить ее, даже по такому важному поводу. Время шло, и он прикидывал, стоит ли постучать еще раз. Когда Эли решил уже было развернуться и ехать домой, в свою холодную холостяцкую квартиру, над входной дверью зажегся фонарь. Послышался шум, железный звон отпираемого замка, и дверь открылась.

Кара стояла от него всего в паре шагов. Свет, падающий из-за ее спины и с крыльца, создавал эффект сияния, расходящегося от ее волос. Шелковый жемчужно-белый халат с сиреневыми фиалками мягко облегал изгибы ее тела. Каштановые волосы волнами струились по плечам. Хозяйка вышла к гостю босиком, и он заметил, что ногти на ее ногах покрашены нежно-розовым лаком.

Внезапно, как удар под дых, его скрутило влечение такой силы, что потемнело в глазах, а из легких словно разом выкачали весь воздух. Эли пошатнулся и с трудом перевел дыхание, надеясь, что это неожиданно мощное желание не отразилось ни на лице, ни на других частях тела, которые хозяйка могла бы заметить.

Наверное, он все же махнул лишнего сегодня. Как еще объяснить такую неадекватную реакцию на сестру бывшей невесты? Особенно если учесть, что бывшей та стала всего пару часов назад. Или, может, все дело в его затянувшемся воздержании? Нормальная реакция здорового мужчины на женщину, уже готовящуюся ко сну? Тем более что женщина – картинка. Любуйся, и все не налюбуйешься...

– Эли? – тихо позвала Кара и слегка нахмурилась. – Что ты здесь делаешь?

Опершись рукой о дверной косяк, он ответил:

– Прости, пожалуйста. Наверное, уже слишком поздно для визитов?

Какое-то время она молча разглядывала его, переводя взгляд с взъерошенной головы на усталое лицо, расстегнутый ворот рубашки, пиджак, строгие брюки и обратно.

– Только не говори, пожалуйста, что, выпив за ужином, сам сел за руль и приехал сюда, – строго произнесла она, неодобрительно глядя на него прищуренными глазами.

Эли поднял вверх три пальца и торжественно произнес:

– Виски. Трижды. Но это было больше трех часов назад, и я поел и выпил несколько чашек кофе. – И, подняв руку вверх, словно приносил присягу на Библии в суде, подытожил: – Так что я трезв как стеклышко, клянусь.

Кара некоторое время раздумывала над его словами, потом тихо вздохнула и отступила, пропуская его в прихожую.

– Лучше тебе зайти, пока соседи не заметили, – сказала она.

Сунув руки в карманы, Эли зашел и подождал, пока она запрет за ним дверь. Когда Кара повернулась к нему, он понял, что она уже знает. Знает и жалеет его.

– Я разговаривала с Лаурель, – призналась она чуть ли не шепотом, блуждая взглядом где-то в районе его подбородка, не решаясь взглянуть в глаза. – Мне очень жаль.

«Черт возьми, мне не нужна твоя жалость! – мысленно вспыхнул он. – Ни твоя, ни чья-либо еще!» Если уж у несостоявшейся свояченицы такая реакция, чего ждать от друзей и других близких знакомых, когда они узнают, что Лаурель его бросила?

– Боже правый! – чересчур злобно выкрикнул он, чего обычно не позволял себе в присутствии дам. – Не надо, Кара! Я не за этим сюда пришел. – Проведя рукой по волосам, он стал мерить шагами коридор, выбивая резкое стаккато на блестящем паркете. – Как не хочется всех этих сплетен, жалости, злорадного любопытного внимания. Мне плевать, что Лаурель отменила свадьбу, но совсем не хочется становиться объектом праздных пересудов. – Он снова запустил пальцы в волосы, чувствуя, что заводится, но тут Кара коснулась его руки. От этого легкого прикосновения Эли остановился как вкопанный и оглянулся. Взгляды их встретились.

– Идем на кухню, – мягко велела она. – Я заварю чай и даже налью тебе еще виски, если обещаешь, что за руль пока не сядешь, а немного побудешь со мной.

Напряжение как рукой сняло. Эли послушно поднялся вслед за ней по лестнице на второй этаж и прошел длинным узким коридором на просторную кухню. Он не раз уже бывал в этом доме, и не только во время приготовлений к свадьбе. Когда Кара переезжала, он с другими друзьями и родственниками помогал распаковывать вещи. А потом она закатила вечеринку в честь новоселья и показывала свое детище, свое гнездышко всем гостям.

С тех пор прошло уже немало времени. И Эли отметил, что Кара кое-что изменила в интерьере, и то, что получилось, ему очень и очень нравилось. Дело даже было не столько в удивительной чистоте и порядке. Везде царил уют, обстановка так и просилась на страницы какого-нибудь специализированного глянцевого журнала.

«Интересно, она сама все придумала или нанимала кого-то? – подумал он. – Если сама, то вполне могла бы на этом карьере сделать. Если вдруг, конечно, ей когда-то надоест организация чужих свадеб. Или могла бы расширить сферу деятельности. Помнится, я неслабую сумму отвалил дизайнерше, которая оформляла мою библиотеку. А там ведь площадей раза в три меньше!»

Заходя в стильную кухню, она бросила на него взгляд через плечо, от чего каштановые локоны взметнулись легким вихрем, и спросила:

– Так тебе что – чаю или виски?

Эли открыл было рот, но она остановила его, подняв руку:

– Пока ты не ответил, должна предупредить, что виски у меня, по-моему, нет. Никогда его не любила. Зато, может, есть немного водки и джин. На этом, пожалуй, список крепких спиртных напитков и заканчивается.

– Если у тебя нет виски, – медленно заговорил Эли, – зачем тогда предлагала?

Она невинно пожала плечами:

– Мне нужно было, чтобы ты остался, но иначе ты мог и не согласиться.

Он улыбнулся и сам удивился тому, как просто и непринужденно это получилось. И еще тому, насколько ему сейчас стало легче. Здесь. С ней.

– Что ж, тогда... давай уж свой чай.

Коротко кивнув, она взяла блестящий чайник из нержавеющей стали, наполнила водой и включила. С удовольствием наблюдая, как покачиваются ее бедра и подрагивает грудь, когда она движется, Эли присел за темный дубовый стол, разместившийся прямо посередине кухни. Кара тем временем достала сервиз тончайшего китайского фарфора и стала расставлять перед ним чашку, блюдце, заварочный чайник, сахарницу, кувшинчик для сливок и тарелочку под лимон.

– Все это вовсе не обязательно, – проговорил он. Бросив на него быстрый взгляд, она улыбнулась:

– В Чарльстоне чай пьют именно так, и не важно, который сейчас час. Мама бы в обморок упала, узнай она, что я предложила гостю чай как-то иначе.

– А как же достижение современной цивилизации – одноразовые пакетики и кипяток из электрочайника?

– Ти-ипу-ун тебе на язык! – пропела Кара, нарочито вытягивая гласные, утрируя и так свойственный ей южный акцент. Достав из шкафчика нарядную стеклянную баночку с чайными листьями, она потрясла ею перед его носом.

Минут через десять она устроилась рядом с ним, а не напротив. Наливая чай, Кара скрестила ноги, и полы халата немного разошлись, открывая небольшой участок гладкой, словно мраморной, кожи от колена до бедра. Взгляд Эли будто приклеился к этому участку, сидеть стало неудобно, а во рту пересохло.

– Сдается мне, ты не большой любитель чая, как бы его ни сервировали, – заметила она, ставя перед ним на блюдце дымящуюся чашечку.

– Каюсь, – согласился он. – Я скорее кофеман. – Сделав глоток горячего темного напитка, он добавил: – Но за годы чаепитий с мамой закалился и теперь, если надо, даже сам могу нечто подобное устроить.

Кара улыбнулась и поправила халат, к огромной досаде гостя. Потянулись минуты, оба молчали, и только настенные часы нарушали тишину.

– Мне, честно, очень жаль, что Лаурель так поступила, – вдруг произнесла Кара, возвращая Эли с небес на землю.

Он аккуратно поставил чашку на блюдце и, чувствуя себя заезженной пластинкой, повторил то, что говорил Ракину часом раньше:

– А мне нет. Вернее, не совсем.

Кара чуть шире раскрыла глаза, будто не ожидала такого ответа. Или не поверила. Не сводя с нее взгляда, чтобы подчеркнуть искренность своих слов, Эли продолжил:

– Честно. Я не хочу, чтобы Лаурель выходила за меня против своего желания. Это верный путь к катастрофе. В этом случае пострадали бы мы оба.

Кара опустила глаза и стала водить пальцем по кромке своей чашки.

– Но вы были такой красивой парой, – пробормотала она. – Да, у нас сейчас трудные времена. Но если бы Лаурель любила тебя... Если бы вы по-настоящему любили друг друга... – Голос ее, сойдя на шепот, смолк. Затем она вскинула голову и снова посмотрела ему в глаза: – Если бы вы любили друг друга, никакие обстоятельства не помешали бы вам пожениться.

Глава 3

Слова слетели с языка раньше, чем Кара успела подумать. Зачем она все это говорит? Какое ее дело? Ей вовсе не хотелось сейчас вникать в подробности любовных отношений между Лаурель и Эли. Мало того что последние месяцы ее угнетало чувство вины, ведь она уже давно и безнадежно была увлечена женихом своей сестры. Так еще теперь душа разрывалась между жалостью к сестре и другу, у которых расстроилась помолвка, и облегчением, что не придется остаток жизни наблюдать, как они будут жить долго и счастливо со всеми вытекающими последствиями.

Так что лучше сидеть да помалкивать. А еще правильнее – занять преимущественно деловую позицию свадебного консультанта, забыв, что она сестра бывшей невесты и друг бывшего жениха. Следует сосредоточиться не на собственных переживаниях, а на том, как теперь безболезненно и оптимально остановить запущенный механизм приготовлений. Легко сказать...

Схватив чашку, Кара глотнула обжигающий чай, думая, что в данный момент и виски не помешает. Жаль, что его нет. Она добавила себе чая, а Эли, помахивая недопитой чашкой, произнес:

– Думаю, в этом-то все и дело.

Кара чувствовала, что он ищет ее взгляд. Внутренне сжавшись, она вытерла вспотевшие ладони о халат и с усилием подняла глаза. И, как и всегда, когда она смотрела на Эли, сердце в смущении спряталось куда-то за ребра и испуганно выглядывало из своего укрытия. Кара снова подумала, что едва избежала участи сидеть вот так рядом с ним, уже как с родственником, на семейных обедах, и почувствовала, что прежний росток вины расцветает пышным цветом. Да, она была рада, что Лаурель и Эли не женятся!

– Теоретически мы были бы хорошей парой, – продолжал тот. – Молодые, красивые, успешные, из хороших семей... Ну, ты понимаешь... Но в лучшем случае мы стали бы неплохими партнерами – скорее, главным образом в деловом смысле этого слова.

Кара нахмурилась:

– Не совсем понимаю, о чем ты.

– Лаурель не любит меня. Я для нее только друг, не более того.

Теперь Кара поняла. Что ж, это объясняло странное поведение сестры во время подготовки к свадьбе. Ее нужно было постоянно подгонять, уговаривать, настаивать, а от самой Лаурель не исходило абсолютно никакой инициативы. Потому что в душе она не хотела этой свадьбы. Получается, что все это время отношения между ними поддерживались исключительно за счет любви и привязанности со стороны Эли. Поистине, сегодня был вечер откровений!

Нервно облизнув губы, она с трудом почти шепотом произнесла:

– Мне очень жаль.

– Брось, ты тут ни при чем, – спокойно отозвался Эли. – Хорошо, что все выяснилось сейчас, а не через пару лет после свадьбы.

Кара снова глотнула чай и слабо улыбнулась:

– Знаешь, я не очень понимаю, как теперь себя вести. С одной стороны, я ваш свадебный распорядитель, с другой – сестра и друг. Как правильно расставить акценты в дальнейшем общении?

– Что, тебе еще не приходилось отменять свадьбы? – усмехнулся Эли.

– Знаешь, мне приходилось общаться с безумными дотошными невестами, с безразличными женихами. Детские праздники отменяла, юбилейные торжества в последнюю минуту переносила, но такого еще не было. Конечно, не без накладок, но все же все свадьбы проходили более-менее успешно. Да, зря я, что называется, не взяла самоотвод с самого начала...

– Самоотвод? – повторил Эли с веселой усмешкой, забавляясь ее выбором слова.

– Да, надо было просто порекомендовать вам другого специалиста, а самой ограничиться ролью подружки невесты.

Эли изогнул темную бровь:

– Но тогда я бы сейчас сидел на кухне какой-то незнакомки, которая наверняка и чай-то толком сервировать не умеет!

Сказано это было таким интимным тоном, что у Кары сбилось дыхание. Взяв себя в руки, она неуверенно произнесла:

– Рада, что тебе здесь комфортно, несмотря на то что вместо любимого виски приходится пить нелюбимый чай. Хочешь, налью газировки или минеральной воды? Хватит, не мучайся.

Отшатнувшись от чашки с чаем, Эли заглянул внутрь, словно там свернулась змея, и воскликнул:

– Неужели все так прозрачно?

– Нет, не все. Видела я кое-что и попрозрачнее. Например, стекло, вода, целлофан...

С этими словами она встала, достала из буфета стакан, бросила туда пару кубиков льда и налила минеральной воды.

– Ясно-ясно. Я для тебя как раскрытая книга, – засмеялся Эли и опустошил стакан сразу наполовину. Довольно выдохнув, он поставил его на стол. – Но я действительно рад, что именно ты занималась нашей свадьбой. А что конкретно теперь предстоит сделать, чтобы все отметить?

Кара недоуменно моргнула:

– Ты... хочешь об этом поговорить? Прямо сейчас? – Всего пару часов спустя после объяснения с невестой он готов вникать в детали отмены собственной свадьбы?

– А что такого? Если только ты не хочешь спать. Наверное, зря я так поздно пришел. – Он привстал со стула, но Кара быстро положила руку ему на запястье.

– Нет, не уходи. Все равно у меня на завтра из дел было только... – Она запнулась.

– Решение очередных вопросов по нашей свадьбе? – договорил за нее Эли. Кара кивнула. – Что ж, тебе даже не сильно придется менять свои планы! – весело воскликнул он. – Просто немного подкорректировать: вместо того чтобы назначать встречи, будешь отменять.

– Раз уж ты в таком хорошем настроении, должна тебя предупредить, что вряд ли смогу вернуть предоплату. Я, конечно, попробую...

– Об этом не волнуйся, – оборвал ее он. – Я так и подозревал. Конечно, сумма не маленькая, но я лучше смирюсь с ее утратой, чем заставлю тебя волноваться, пытаюсь вернуть деньги назад. – Он взглянул на часы. – Уже поздно. Пойду-ка я, а тебе пора ложиться.

Он встал, и Кара послушно пошлепала за ним к выходу.

Эли открыл дверь и обернулся, держась за ручку:

– Спасибо за компанию.

– Не за что. Мне правда очень жаль, что у вас все так вышло. Вернее, не вышло, – тихо откликнулась Кара.

Эли молчал. Взгляд его замер на ее губах. Кара машинально облизнулась, гадая, что с ними не так – может, чайинка прилипла? Или нестертая помада уже сползла местами?

– Хоть тебя не потерял, – тихо пробормотал он, не сводя с нее глаз.

Кара не знала, как ей понимать эти слова и странный тон, которыми они были сказаны. Но долго гадать не пришлось: поизучав ее с минуту так пристально, что она уже начала беспокоиться, Эли вдруг стремительно приблизился и прижался губами к ее губам.

В это мгновение все внутри Кары застыло, она замерла и даже, казалось, дышать и думать перестала. Поцелуй был теплым и нежным, намного лучше всего того, что она представляла себе, мечтая об Эли. Сначала он лишь мягко и легко коснулся ее рта, а затем, словно тлевшая свеча вдруг вспыхнула и разгорелась ярким пламенем, поцелуй стал страстным и неистовым.

Схватив Кару за плечи, Эли притянул ее к себе. Через тонкий шелк халата она чувствовала тепло его тела и всю силу его возбуждения тоже.

Она много лет мечтала о том, как однажды Эли ее поцелует, но никогда не думала, что это будет так. Фантазии варьировались от легкого воздушного прикосновения до страстного порыва в духе знаменитой сцены из «Унесенных ветром», когда Ретт Батлер на руках уносит Скарлетт в спальню. В жизни все оказалось иначе – по-настоящему, истово. Каре казалось, будто тело охвачено огнем. Она прижалась к Эли, который начал уже языком пробираться все глубже, исследуя ее рот.

И вдруг все кончилось так же неожиданно, как и началось. Не проронив ни звука, Эли отстранился, сделал шаг назад, одновременно отодвигая от себя Кару. В плане возвращения с небес на землю это оказалось намного эффективнее, чем пресловутый ушат ледяной воды. Кара словно очнулась и отметила, что оба они тяжело дышат, словно запыхались, и старательно избегают смотреть друг на друга.

– Мне пора, – едва слышно проговорил Эли.

Звуки доносились до Кары как через вату. В ушах гудело, голова кружилась. Она сумела лишь кивнуть в ответ, и гость самостоятельно открыл дверь и шагнул в ночь, не оглядываясь.

Кара словно приросла к полу. События последних минут проносились в голове. Поцелуй... Это было просто чудесно. Это было совершенно ужасно. Вот бы еще раз с ним поцеловаться! Не приведи господь такому вновь случиться!.. Кару только что страстно поцеловал герой ее многолетних грез, но вместо радости она терзается невыносимым чувством вины, ведь этот человек всего несколько часов назад перестал быть женихом ее сестры.

Прежде чем сесть в машину, Эли несколько раз пешком обошел квартал, где жила Кара. Он прислушивался к себе, пытаясь разобраться в том, что чувствует. С одной стороны, очень хотелось вернуться и довести начатое до логического, то есть постельного, конца. С другой – было совершенно непонятно, что на него нашло и как он мог целоваться с одной сестрой вечером того же дня, как расстался с другой. И даже теперь, когда порыв прошел, все равно хотеть продолжения!

Чувствовал ли он что-либо подобное, целуясь с Лаурель? Нет, те поцелуи были дружескими, целомудренными, как и в целом отношения со старшей из сестер Кинсайд. Внешне Эли и Лаурель были очень эффектной парой, но между ними не было страсти. Уважение, дружба – да, были и останутся, несмотря на расторгнутую помолвку. Но лишь теперь, поцеловав Кару, он понял, насколько пресными и далекими от романтических были его отношения с Лаурель. От поцелуя с Карой по нему словно прошел разряд тока. Ничего подобного прежде он не испытывал. И что прикажете теперь со всем этим делать?

Самое разумное было бы поехать домой, принять душ, забраться в кровать и напрочь выкинуть из головы этот безумный необъяснимый поцелуй. Однако шум крови, стучащей в ушах и бурлящей по всему телу потоками раскаленной лавы, ясно давал понять: забыть так просто не удастся.

Поэтому нужно думать, что он собирается теперь делать с внезапно вспыхнувшим влечением к Каре Кинсайд.

Глава 4

Кара всю ночь не могла уснуть. Ее раздирали противоречивые чувства. Словно рядышком устроились черт и ангел и пустились в дебаты. Чертеночек с лицом Эли зазывно улыбался, заговорщически подмигивал, всячески завлекал и соблазнял на еще один поцелуй. А печальный ангел с ликом Лаурель грустно качал головой, хмурился и вопрошал с обидой: «Как ты могла, Кара? За что? Так поступить с собственной сестрой!...» Как тут уснешь?

Поэтому, едва забрезжил рассвет, Кара уже была на ногах. Она часто вставала с первыми лучами солнца, только обычно этому предшествовал здоровый восьмичасовой сон. Потом она одевалась в строгую юбку и блузку и либо спускалась в кабинет, либо ехала на встречи.

Сегодня же ехать было некуда, а нужно было начинать обзванивать подрядчиков, отмечая свадьбу. Однако было еще слишком рано. Поэтому Кара облачилась в любимый тонкий сарафан с огромными рыжими маками, повязала ярко-розовый фартук с белыми кружевными оборками на груди и обоих карманах и с вышитой надписью «Продаюсь за шоколад» и босиком спустилась на кухню.

Как многие южанки, она успокаивала нервы готовкой. Хотя Кара и выросла в состоятельной семье в доме, полном прислуги (или, как теперь считается более этичным говорить, помощников по хозяйству), мама научила хорошо готовить и ее, и всех остальных своих отпрысков, даже мальчиков, для которых, правда, это был скорее факультатив по желанию.

Элизабет и сама в минуты печали и волнений спасалась на кухне по локоть в муке и вооружившись скалкой. Если про любителей выпить принято говорить, что они топят свое горе в вине, то Элизабет запекала обиды в бисквит или жаривала с дымящимися ножками. Причем на выходе, как правило, получалось еды такое количество, что вполне хватило бы на армию конфедератов. В иные дни она могла наготовить столько шоколадного, орехового или кокосового печенья, что все отпрыски Кинсайд снаряжались в школу дополнительными сумками с выпечкой и на целый день становились кормильцами и героями своих одноклассников.

Миссис Кинсайд обладала незаурядными преподавательскими способностями, так что после ее кулинарных уроков Кара теперь легко могла изобразить окорок в медовой глазури, а десерты у нее получались настолько лакомыми, что еще до основания «Особого случая» она всерьез подумывала, не открыть ли кондитерскую. Остановил ее лишь тот факт, что бизнес в этом случае слишком бы зависел от перепадов настроения, а потому вряд ли стал бы процветать. Ну кто, в самом деле, станет ждать под дверью, гадая, с какой ноги сегодня встал шеф-повар и в том ли он настроении, чтобы испечь свой фирменный клафути с вишней?

Кара не представляла, что будет делать с таким количеством печенья, которое уже остывало в противнях на мраморной столешнице. Знала лишь, что нужно чем-то себя занять. А что может лучше отвлечь от неприятных мыслей, чем повторяющиеся, систематические, успокаивающие действия на кухне: отмерить, взвесить, смешать, разложить на противне, снять лопаточкой?

Ровно в четверть девятого утра раздался телефонный звонок. Кара не на шутку испугалась: звонили по домашней линии, а не по тому номеру, который она сообщала клиентам и партнерам. Неужели снова что-то связанное с убийством отца и задержанием матери?

Желудок съезжился в болезненный комок, а пальцы нервно сжали противень, который она в этот момент ставила в духовку. Боже, ну что еще случилось? Отец убит, мать находится в статусе главной подозреваемой, сестра практически в последнюю минуту отменила свадьбу... Что еще могло стрястись? Пожар? Наводнение? Эпидемия? Но тут Кара потрясла головой, отгоняя дурные мысли. Нет более верного средства навлечь на себя неприятности, чем постоянно думать о них. А на долю ее семьи и так выпало за последнее время слишком много испытаний.

Закрыв духовку и молясь про себя, чтобы звонок не сулил ничего плохого, она дрожащими руками взяла трубку:

– Я слушаю.

– Кара, дорогуша, это Пенелопа, я от Эли, – раздался знакомый голос, мигом развеяв тучи, начавшие было сгущаться на душе у Кары.

Облегченно выдохнув, она удивилась, почему персональный ассистент Эли звонит ей на домашний номер. За последние месяцы они очень часто общались, договариваясь о встречах по подготовке свадьбы, но Пенелопа всегда связывалась с Карой по рабочему телефону, указанному в ее визитке владелицы «Особого случая».

– Привет, Пенелопа, как дела?

– Прекрасно, радость моя, просто прекрасно. А у тебя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.